

Рано или поздно всё станет понятно, всё станет на свои места и выстроится в единую красивую схему, как кружева. Станет понятно, зачем всё было нужно, потому что всё будет правильно.

Льюис Кэрролл, 1860-е

Нетрудно понять, почему легенда заслужила большее уважение, чем история. Легенду творит вся деревня — книгу пишет одинокий сумасшедший.

Гилберт Честертон, 1900-е

Четырнадцатый том озаглавлен так: «Может ли разумный человек, учитывая опыт прошедших веков, питать хоть малейшую надежду на светлое будущее человечества?» Прочесть Четырнадцатый том недолго. Он состоит всего из одного слова и точки: «Нет».

Курт Воннегут, 1960-е

Легче изобрести будущее, чем предсказать его.

Алан Кэй, 2000-е

1. ПРО ВСЁ СНАЧАЛА

В день приближённого числа «пи» майор Одинцов не собирался никого убивать.

Говоря строго, в звании его восстановили совсем недавно, дата вызвала раздражение, а убийство случилось без участия Одинцова...

...но зато в его квартире. Об этом с нервным смехом сообщила по телефону Ева — и разрыдалась. Через считанные минуты после её звонка Одинцов уже мчал на своём внедорожнике из Старой Ладоги в Петербург.

Про день приближённого числа «пи» он услышал в утренних теленовостях. Под конец выпуска барышня с экрана обмолвилась, что нынешнюю дату — двадцать второе июля — можно записать в виде дроби $22/7$, которая даёт в результате примерно 3,14.

— Вот людям делать нечего, — проворчал Одинцов.

Школярская шуточка напомнила, как четырнадцатого марта он так же случайно вычитал в газете, что это — день числа «пи», а ещё через пару дней потерял единственного друга, и кругом полегло ещё человек двадцать, и сам Одинцов уцелел только чудом. Правда, судьба тогда свела его со вчерашним студентом, несуразным историком Муниным, и темнокожей американской красавицей Евой: троём они сумели отыскать

библейский Ковчег Завета и круто повернули не только жизнь всего человечества, но и свою собственную.

Ковчегом теперь занималась особая комиссия ООН. Древний золотой сундук со скрижалями поместили в Михайловском замке, который выстроил в центре Петербурга император Павел. Замок из музея пришлось превратить в крепость, окружённую запретной зоной. Местную службу безопасности, где начальствовал Одинцов, сменил специально созданный международный корпус охраны. Майор пережил изумительный взлёт карьеры на шестом десятке: его зачислили в штат корпуса на полковничью должность — и тут же предоставили оплачиваемый отпуск на всё лето. О чём ещё можно мечтать?

Мунин с молодым задором набросился на диссертацию про многовековое путешествие Ковчега в Россию. Он был уверен, что кандидатскую зачтут сразу как докторскую, и рассчитывал вскоре прибавить к фамилии звучный титул «доктор исторических наук». Разгаданная тайна трёх государей — Ивана Грозного, Петра Первого и Павла — обростала новыми подробностями. Мунин постоянно мелькал на телеэкранах и упивался славой, но переживал, что публичная жизнь отвлекает от работы: слишком много времени уходило на всевозможные выступления. Несколько дней назад он улетел в Англию для доклада в Лондонском Королевском обществе.

Еву пригласили в группу исследователей Ковчега. Комиссия ООН собрала туда лучших специалистов по истории, лингвистике, археологии, семиотике, культурологии, этнографии, религиозным культам... Гуманитариев было пруд пруди, физиков и химиков тоже хватало, но все они работали на главную задачу, которую предстояло решить Еве с командой математиков и криптографов. От учёных ждали расшифровки надписей на скрижалях Завета. Больше трёх тысяч лет эти надписи читали как десять заповедей, лежащих в основе иуда-

изма, христианства и ислама; теперь их надо было прочесть как универсальные формулы законов мироздания. Ева погрузилась в работу, хотя и не так глубоко, как обычно...

...потому что уже второй месяц жила с Одинцовым.

В начале апреля, когда их троица передала Ковчег международному сообществу, Одинцов и Мунин оказались в госпитале. Там до конца весны их врачевали от последствий отравления, полученного в схватке за Ковчег. Еве при химической атаке досталось не меньше, но она предпочла швейцарскую клинику.

— Мне тридцать восемь лет, и я привыкла заботиться о своём здоровье, — объявила Ева, улетаая из России.

В Швейцарии она пыталась выбросить Одинцова из головы, а после клиники приняла приглашение комиссии ООН и в первых числах июня опять была в Петербурге. Ева без предупреждения отправилась домой к Одинцову, сказав себе, что должна поблагодарить его за спасение — и вообще за всё; на пороге крепко обняла...

...и осталась. Они провели в постели остаток дня и позже со смехом вспоминали вытаращенные глаза Мунина, который появился к ночи. Дверь ему открыла счастливая Ева. Из одежды на ней была только просторная клетчатая мужская рубашка, надетая на голое тело. Мунин смерил красавицу взглядом — от смоляной копны кудрей, рассыпанных по плечам, до умопомрачительных шоколадных ног и обратно, — поправил очки на носу и, когда Ева весело чмокнула его в лоб, сказал только:

— Ну вы даёте...

Мунин квартировал у Одинцова с тех пор, как начались поиски Ковчега. Из госпиталя они вернулись домой вместе. Теперь подросла Ева, и троица снова была в сборе. Они чудесно отпраздновали встречу, успели обсудить почти всё на свете,

а под утро Мунин сложил в сумку вещи и поплёлся в прихожую. Одинцов по обыкновению изогнул полуседую бровь.

— Ты куда это?

— На волю, — сказал Мунин. — У вас тут медовый месяц, а я... В общем, третий лишний. Не пропаду, не беспокойтесь.

— Ещё чего! — с непередаваемой интонацией и милым акцентом объявила с кухни Ева, уперев руки в бока.

— Вот именно, — поддержал её Одинцов. — Давай-ка не блажи. Сейчас на боковую, а завтра всё решим.

Мунин не стал дожидаться привычных слов «это не просьба, это приказ», отнёс сумку обратно в свою комнату и послушно отправился в ванную чистить зубы перед сном.

На следующий день действительно всё решили. Мунин оказал вялое сопротивление и был оставлен жить в квартире, а влюблённая парочка укатила в Старую Ладугу, за сто тридцать километров от Петербурга. Для работы Еве достаточно было появляться в городе раз-другой в неделю, а Одинцов наслаждался отпуском.

Варакса, старый друг, перед смертью привёл дела в порядок и оставил почти всё своё добро Одинцову. Завещание вступало в силу только через два месяца, но родственников покойного не нашлось, больше никто на имущество не претендовал, и Одинцов с Евой привольно зажили в усадьбе Вараксы на берегу Волхова.

Лето выдалось — из ряда вон. Природа явно перевыполняла норму в семьдесят солнечных дней, отпущенных Петербургу с окрестностями на весь год. Одинцов хлопотал по хозяйству и загорал под несмолкающий стрекот кузнечиков, Ева привыкала к белым ночам и училась ловить рыбу. Пару раз в Старую Ладугу выбирался Мунин, сетуя, что так и не успел съездить на рыбалку с Вараксой.

Одинцов тоже что ни день поминал погибшего друга и не расставался с чётками, которые Варакса сделал собственноручно. Теперь уже некого было спросить, зачем на толстую нить нанизаны резные нефритовые бусины из Китая, колючие косточки индийской рудракши, серебряные кубики с буквами иврита на гранях... Вечерами Ева задумчиво перебирала в тонких пальцах этот странный набор, уткнувшись в экран компьютера: за летними радостями и любовными утехами она не забывала о работе.

Ева... Одинцов стукнул ребром ладони по рулю. Почему она не предупредила, что прилетит днём, а не ночью?! Когда Еве надо было попасть в город, Одинцов отвозил её и занимался своими делами, чаще всего тоже связанными с Евой. Поселившись у Одинцова, она попеняла ему на то, что ни в квартире, ни в загородном доме нет ни одного приличного зеркала — такого, чтобы женщина могла хорошенько рассмотреть себя во весь рост.

— Так некому здесь было себя рассматривать, — оправдывался Одинцов, — а зеркало в ванной висит. Ты же и так мисс Вселенная, зачем тебе вообще зеркало?

Выглядела Ева в самом деле сногшибательно, тем более летом и без лишней одежды. Но слово было сказано, и зеркала появились в обоих жилищах Одинцова. Муниин не упустил случая блеснуть эрудицией.

— Дурное это дело, — сказал он, глядя, как Одинцов пристраивает в прихожей высокое трюмо. — На Руси с семнадцатого века священникам запрещали зеркалами пользоваться.

— Это почему же? — поинтересовался Одинцов.

— Потому что дьявольское изобретение. Оттуда и суеверия. Кто зеркало разобьёт, тому семь лет удачи не будет, так что все осколки надо собрать и похоронить. А если в доме кто-то умер, надо зеркало повесить, чтобы через него дьявол душу покойника не утащил. И так далее.

— Знаешь что? Найди себе бабу, — в сердцах бросил через плечо Одинцов, — и я посмотрю, как ты ей всю эту ерунду рассказывать будешь. Подай лучше отвёртку.

Мунин обиделся: девушки у него до сих пор не было. А Одинцов за полтора месяца расставался с Евой только на время, которое она проводила с коллегами — исследователями Ковчега. Привозил, куда надо, забирал, и дальше они или сразу отправлялись за город, или проводили остаток дня среди красот Петербурга, но потом всё равно уезжали. А позавчера Ева улетела в Амстердам на заседание Русской комиссии розенкрейцеров: сотрудничество с орденом продолжалось. Нынче к ночи Одинцову предстояло встретить её с самолёта в аэропорту. Но Ева почему-то оказалась в Петербурге уже днём и позвонила из квартиры, повторяя сквозь рыдания:

— Его убили! Слышишь? Убили! Он мёртвый... здесь лежит... Убили его... Я боюсь, миленький... Что мне делать?

Вот это был сюрприз так сюрприз. Как в анекдоте: «...и снова здравствуйте». От Одинцова только недавно отстали следователи, которые занимались весенними событиями. Госпиталь оказался настоящим спасением — тамошние медики сдерживали энергичных детективов. Очень кстати уголовные дела о гибели двух десятков человек, причастных к тайне Ковчег Завета, объединили в одно дело и передали его международной следственной группе.

За работой группы следили на правительственном уровне, материалы расследования были строго засекречены. Одинцов числился только свидетелем — наравне с Муниным и Евой. Его ни в чём не обвиняли; наоборот, удивительным образом восстановили в майорском звании, которое отняли давным-давно. Вроде можно уже было считать, что всё осталось в прошлом. Но тут вдруг в его квартире появился труп, и не просто труп...

Самураи учили принимать любое решение за семь вдохов. Когда Одинцов ещё носил погоню, японская мудрость в переводе на русский военный язык звучала так: офицер не думает, офицер быстро соображает. Решение Одинцов действительно принял молниеносно. Утешать Еву и выяснять детали было некогда.

— Вещи в руки и бегом из квартиры, — скомандовал он. — Дверь захлопни. Больше никому не звони, на звонки отвечай только мне. Старайся не плакать. Когда накатывает — смотри вверх, глазами хлопай, поглубже дыши и музыку в наушниках включай, некоторым помогает. Спросят, чего ревёшь, — скажи, с козлом своим поругалась. Наши поймут.

Одинцов быстро соображал. Ева только с самолёта, значит, вещи у неё не разобраны, все документы при себе и выглядит она по-дорожному. Это хорошо. Для такой экзотической красотки оставаться незаметной — задача трудновыполнимая. Но сейчас Еве надо было привлекать к себе как можно меньше внимания и как можно скорее оказаться как можно дальше от России. Чем дальше, тем безопаснее: ни с убийцами, ни с полицией лишний раз встречаться ни к чему.

Одинцов отправил Еву на Финляндский вокзал — она как раз успевала к международному поезду «Аллегро». На вокзале пограничный контроль проще, чем в аэропорту, и такой толпы народу нет. Зато в вагон садись, считай, в центре Петербурга — и через три с половиной часа выходишь в центре Хельсинки: оттуда можно уже спокойно двигать дальше хоть на пароме, хоть на самолёте.

Решение, принятое за семь вдохов, касалось и самого Одинцова. Ева уезжала на скоростном поезде в Финляндию, а он спешил домой, чтобы сориентироваться на месте и за следующие семь вдохов принять следующее решение, и следующее, и следующее...

...потому что уже было понятно: хотя Ковчег Завета найден, охотники за его тайнами не остановились, и труп одного из них лежал сейчас в квартире Одинцова.

2. ПРО ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТОВ

— Зачем вы трогали тело? — спросил следователь, и Одинцов ответил:

— Я сперва думал, человеку плохо стало, хотел помочь. Смотрю, а он мёртвый, уже коченеть начал. И я сразу позвонил в полицию.

Следователь глянул в удостоверение офицера Интерпола, найденное в кармане убитого.

— Вы были знакомы с этим... Салтахановым?

— Да, только не виделись давно. Месяца два, наверное.

— У вас была назначена встреча?

— Нет. Я за городом отдыхал несколько дней, возвращаюсь, а он здесь... лежит.

— Хорошо, допустим. А когда вы приехали, дверь была открыта?

— Закрыта.

— И вас не удивило, что в вашей квартире находится посторонний человек? Или у него были ключи? Как он сюда попал?

Одинцов пожал плечами:

— Понятия не имею.

— Вы живёте один?

— Вообще-то здесь живёт мой приятель, а я только заезжаю иногда. Он учёный, три дня назад укатил за границу на симпозиум какой-то.

У Мунина было железное алиби. Одинцов звонил ему, пока ехал из загорода. Про убийство не сказал, но убедился,

что историк по-прежнему в Лондоне и пробудет там ещё несколько дней. Следователь записал данные Мунина и спросил:

— Как вы думаете, зачем Салтаханов проник в вашу квартиру?

— Понятия не имею, — снова пожал плечами Одинцов.

Автомобильным навигатором он обычно не пользовался, но сегодня включил, выезжая из Старой Ладоги. Когда гаджет голосом школьной учительницы предупреждал о контроле скорости, Одинцов притапливал педаль газа, чтобы полицейские камеры сделали снимок с отметкой времени.

Добравшись до своего дома, он припарковал во дворе машину, задал пустяшный вопрос азиатскому дворнику и повеселил его байкой про милую даму, которая пришла в автосалон. Менеджер её приветствует:

— Здравствуйте. Какой машинкой интересуетесь?

— Мне нужно что-нибудь помоднее и подороже, — отвечает дама. — Правда, у меня денег нет...

— До свидания.

— У меня денег нет, — повторяет дама, — зато у моего мужа...

— И снова здравствуйте!

Старый анекдот крутился в голове Одинцова после разговора с Евой. Смуглый дворник с хохотом повторил финальную фразу несколько раз. Если надо, он сможет подтвердить: Одинцов приехал, когда Салтаханова уже убили, и держался совершенно спокойно, даже байки травил. Это была обычная страховка, поскольку предварительное заключение в планы Одинцова не входило. А если бы следователь надумал его задержать или арестовать, пришлось бы добиваться связи с офицером ФСБ из международной следственной группы.

Конечно, федералы всё равно узнают об убийстве и переключат расследование на себя. Конечно, Одинцова в любом

случае спросят, почему он сразу не сказал полицейскому, что погибший Салтаханов тоже проходил по делу о Ковчеге Завета. И конечно, на голубом глазу Одинцов ответит, что дело секретное, а он человек военный — его учили не выбалтывать секреты первому встречному.

В действительности причина была другой. Офицеру известно про Еву и её отношения с Одинцовым; он сразу начнёт копать, куда не надо. Поэтому Одинцов предпочёл дожидаться, пока любимая женщина окажется в безопасности, и выиграть хотя бы сутки. Вот он и позвонил на общих основаниях в полицию: мол, приезжаю домой, а там труп.

Из квартиры Одинцову пришлось ехать в полицейское управление. Вышел он оттуда только в сумерках: вечерами во второй половине июля в Петербурге уже заметно темнеет — белые ночи заканчиваются в начале месяца. Звать ФСБ на подмогу не пришлось, про задержание следователь не заикался, но взял с Одинцова подписку о невыезде.

— Я за городом живу, — на всякий случай напомнил Одинцов.

За город он, само собой, не поехал. Квартиру опечатали, да и делать там тоже было нечего: Одинцов успел осмотреть её до приезда полиции. Не мешало бы поесть, но в разгар туристского сезона рестораны забиты битком, а Одинцов собирался поговорить с Евой обстоятельно и без лишних ушей.

Внедорожник ждал его на стоянке возле угрюмого серого здания полицейского управления, на углу Суворовского проспекта с Кавалергардской улицей. В ближайшей лавке Одинцов купил бутылку кваса с пакетом кукурузных мексиканских чипсов *нэчос*, уселся в машину и позвонил Еве.

С начала поисков Ковчеге за ним с Евой и Муниным шла настоящая охота, их телефоны прослушивали, и троица взяла за правило звонить друг другу только через надёжный мессен-

джер. Слушать их продолжали и после обнаружения Ковчега, поэтому привычка сохранилась. А сейчас, когда Ева была за границей, мессенджер позволял вдобавок здорово экономить на международном роуминге.

— Привет, моя хорошая, — сказал Одинцов, когда Ева ответила на звонок. — Добралась, всё в порядке?

— Я в ресторане у вокзала. От нервов голодная, как животное.

Одинцов не удержался от улыбки и поправил:

— Как зверь.

— А ты? Тебя не арестовали?

— Да вроде не за что пока. — Одинцов продолжал улыбаться. — Всё расскажу. Поешь не спеша, найди какое-нибудь место поспокойнее и перезвони, я буду ждать. Можешь до моря дойти, там недалеко. Имей в виду, в Хельсинки туча народу понимают или по-русски, или по-английски, а многие и так, и эдак. Сядь, чтобы рядом никого не было, и чтобы видеть, кто вокруг шныряет. Приятного аппетита.

Одинцов тоже сменил дислокацию; это заняло совсем немного времени. Он проехал метров триста по Кавалергардской, свернул направо в Тверскую, припарковал машину «ёлочкой» возле тротуара и, прихватив скромный ужин, прогулялся пару минут до парка перед Смольным.

Подсвеченное в сумерках монументальное классическое здание с белыми колоннами желтело в глубине парка. К центральному портику вела прямая широкая аллея, по обеим сторонам которой стелились подстриженные газоны и стояли рядами деревья — лиственницы, липы, дубы, клёны, ясени; по весне здесь даже сакура цвела. В кольцах гигантских гранитных бассейнов шумели фонтаны.

Добрую сотню лет в Смольном гнездились воспитанницы института благородных девиц, потом большевики устроили здесь

свой штаб; при советской власти здание заняло правительство, а в постсоветское время Смольный отвели под офис губернатора.

Народу в Петербурге не меньше, чем во всей Финляндии, и статус отдельного субъекта Российской Федерации тоже ко многому обязывает. Администрация города всегда жила в некотором напряжении, но после того, как Одинцов, Ева и Мунин отыскали Ковчег Завета, в Смольном началась уж совсем сумасшедшая жизнь.

Петербург много лет принято было именовать культурной столицей страны, а теперь — с Ковчегом в Михайловском замке — он стал, можно сказать, духовной столицей мира. Это порождало неисчислимые проблемы, разбираться с которыми приходилось день и ночь. Даже в это позднее время окна протяжённого фасада Смольного были освещены, а по аллее взад-вперёд сновали машины с красными дипломатическими номерами и особыми чиновничьими.

— Задали мы вам работу, — хмыкнул Одинцов, сворачивая с аллеи на прогулочную дорожку. Под подошвами туфель заскрипел гравий.

Сумерки сгущались. Парк выглядел особенно тихим и безлюдным по контрасту с муравейником Смольного. Даже днём народу здесь было немного: мамы из окрестных домов бродили с колясками, ошалевшие от лета дети гоняли на велосипедах и время от времени среди деревьев прокатывалась очередная волна китайских туристов. Сейчас редкие бегуны сосредоточенно наматывали круги по парку, да пяток старушек пасли на газонах таких же старых несуразных собак с горящими лампочками на ошейниках.

Одинцов миновал фонтан, который шелестел в полумраке, и горку с клумбой уснувших пионов; расположился на длинной белой скамье под густыми кустами сирени, отхлебнул из бутылки квасу и захрустел мексиканскими чипсами.

Он думал о том, что Салтаханов не сам попал в квартиру, — его впустила Ева. Зачем? Одинцова это интересовало не меньше, чем следователя, но вопросов у него было гораздо больше. Впустила — или привела? Или она специально прилетела из Амстердама на полдня раньше, чтобы встретиться с Салтахановым с глазу на глаз? И ведь не она же убила Салтаханова. Может, с нею был ещё кто-то? Или это Салтаханов явился не один и погиб от руки своего спутника? В любом случае, убийцы Еву не тронули. Почему? Вряд ли её хотели подставить. Но если не её, то кого? Мунина? Он в отъезде. Одинцова? Опять-таки, зачем? Сквозь рыдания Ева успела сказать про флешку, которую принёс Салтаханов, но рядом с телом Одинцов ничего не нашёл. Выходит, она забрала флешку с собой? А куда подевался старый ноутбук? Вопросы множились, и только Ева могла помочь найти на них ответы.

Одинцов доел *нечос*, допил квас, прикурил сигарету и глянул в небо. Лёгкий ветерок разогнал ночные облака; из тёмной глубины россыпью посверкивали звёзды. Под этим же небом и этими же звёздами всего в трёх сотнях километров к западу отсюда Ева сейчас искала подходящее место, чтобы поговорить без помех. Ева... Несравненная красавица и невероятная умница, которая перевернула жизнь Одинцова — сперва во время поисков Ковчега, и ещё раз — после...

Смартфон завибрировал и разразился трелью вызова; дисплей в темноте полоснул Одинцова по глазам яркой вспышкой и заставил прищуриться. На дисплее возник игривый снимок тех времён, когда Ева ещё не бросила карьеру манекенщицы и фотомодели, — Одинцов сам выбрал эту аватарку. Он нажал кнопку гарнитуры, вставленной в ухо, и услышал родной голос:

— Это я. Ты поел?